Є 105
6 354

Б 357
105
Б 354

Протоіерей А. А. ДЕРНОВЪ.

ФИЛАРЕТЪ
МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ
И
ИННОКЕНТІЙ
АРХІЕПИСКОПЪ ХЕРСОНСКІЙ.

ОПЫТЪ КРАТКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

(ПО ПОВОДУ СТОЛѢТІЯ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ ИХЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія М. П. Фролової. Галерная ул. 6.
1901.

Протоіерей А. А. ДЕРНОВЪ.

ФИЛАРЕТЪ
МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ
И
ИННОКЕНТІЙ
АРХІЕПИСКОПЪ ХЕРСОНСКІЙ.

ОПЫТЪ КРАТКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

(ПО ПОВОДУ СТОЛѢТІЯ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ ИХЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія М. П. Фролової. Галерная ул., д. № 6.
1901.

МУЗЕЙ * ПУБЛИЧ. и РУМЯНЦЕВ. БИБЛІОТЕКА

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать
дозволяется. С.-Петербургъ, 22 Декабря 1900 года.

Старшій Цензоръ Архимандритъ **Владиміръ.**

2007050189

Восемнадцать лѣтъ тому назадъ авторъ, тогда только что сошедшій со школьной академической скамьи и только-что принявшій санъ священства, получилъ предложеніе отъ Совѣта Общества (незадолго предъ тѣмъ возникшаго) распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви сказать что-либо въ Общемъ собраніи членовъ Общества по поводу столѣтняго юбилея дня рожденія Московскаго митрополита Филарета.

Предложеніе было принято и чтеніе, программа котораго была заранѣе отпечатана (см. отч. Сов. Общ. за второй (1882—83) годъ его существованія), предложенное авторомъ, заслужило добрые отзывы какъ со стороны владыки Митрополита Московскаго Іоанникія (только-что сдѣлавшагося преемникомъ скончавшагося митрополита Макарія), удостоившаго посѣтить собраніе Общества и благоволившаго благосклонно выслушать чтеніе, такъ и со стороны членовъ Общества, посѣтившихъ означенное собраніе, и со стороны нѣсколькихъ органовъ тогдашней прессы.

Несмотря на это, нѣкоторыя обстоятельства (постигшая вскорѣ автора продолжительная болѣзнь (тифъ) и почему-то залежавшаяся у лицъ, желавшихъ почитать, рукопись автора, такъ что онъ, уже спустя долгое время, случайно нашелъ ее у одного изъ такихъ любителей чтенія) попрепятствовавали автору своевременно напечатать предложенное имъ чтеніе, которое и оставалось до сего времени въ рукописи.

Нынѣ авторъ получилъ предложеніе отъ Совѣта названнаго выше Общества предложить чтеніе въ память херсонскаго Архіепископа Иннокентія, по поводу столѣтняго юбилея дня рожденія его.

Чтеніе въ день юбилея архіепископа Иннокентія было предложено авторомъ. Члены Общества, бывшіе на чтеніи, пожелали видѣть его напечатаннымъ.

При этомъ нѣкоторыя лица, бывшія назадъ тому восемнадцать лѣтъ на чтеніи автора о приснопамятномъ Митрополитѣ Филаретѣ, вспомнили объ этомъ чтеніи и пожелали видѣть и его напечатаннымъ къ сто восемнадцатой годовщинѣ, 1900 года 26 декабря, со дня рожденія покойнаго іерарха.

Исполняя это желаніе, авторъ отыскалъ среди многихъ другихъ своихъ бумагъ рукопись чтенія о митрополитѣ Филаретѣ и рѣшился напечатать это чтеніе *безъ всякихъ измѣненій, въ томъ именно самомъ видѣ, какъ оно было написано и произнесено ровно восемнадцать лѣтъ тому назадъ.* И къ 118-й годовщинѣ со дня рожденія Филарета оно, надѣется авторъ, не потеряло своего интереса и значенія.

Чтенія о двухъ великихъ іерархахъ нашей русской Православной Церкви соединены въ одну брошюру по одинаковости значенія этихъ іерарховъ для нашей Церкви и по одновременности ихъ жизни и дѣйствованія, ибо въ продолженіе почти полувѣка истекшаго столѣтія, *„Филаретъ и Иннокентій“*, по словамъ одного профессора, *были „два колосса нашей Церкви,— Моисей и Ааронъ нашей Церкви“.*

СПБ. 17 декабря 1900 года.

ФИЛАРЕТЪ,
Митрополитъ Московскій.

*теніе въ залъ С.-Петербургской городской думы въ об-
цемъ собраніи членовъ Общества распространенія рели-
озно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной
Церкви 17 Декабря 1882 года, по случаю столѣтняго
обилея дня рожденія (26 декабря 1782 года) покойнаго*

Московскаго Митрополита Филарета *).

Содержаніе.—Побужденія къ общенародному празднованію
голѣтняго юбилея дня рожденія Митрополита Филарета.—Замѣ-
аніе о данныхъ для характеристики Филарета.—Филаретъ какъ
еликій іерархъ Православной вселенской и русской Церкви.—
Его дѣйствія въ пользу Православія.—Филаретъ какъ духовный
дминистраторъ.—Замѣчаніе объ устройствѣ имъ храмовъ и мо-
астырей и о силѣ его молитвъ.—Филаретъ какъ проповѣдникъ:
арактеристика его проповѣдей съ внутренней и внѣшней сто-
оны.—Филаретъ какъ государственный мужъ, истинный патріотъ
великій филантропъ.—Филаретъ какъ членъ разныхъ обществъ
учрежденій.—Выдержки изъ его наставленій врачамъ и посвя-
ившимъ себя уходу за больными.—Побужденіе для нашихъ уни-
ерситетовъ воспомянуть Филарета.—Отношеніе его къ поэзіи,
итературѣ, искусству и художеству.—Филаретъ какъ неустан-
ый труженикъ.—Библіографическія замѣчанія о немъ.—Замѣча-
іе о предметахъ, на которые обращенъ былъ умъ Филарета.—
Нравственный характеръ Филарета какъ человѣка.—Отзывы о
го письмахъ къ роднымъ и къ Архимандриту Антонію.—Замѣ-
аніе о Филаретѣ какъ аристократѣ по своему духу.—Общій вы-
водъ о Филаретѣ.—Филаретъ—идеалъ русскаго православнаго
еловѣка.—Онъ есть выраженіе *силы* русскаго народа.—Замѣча-
іе—по какому пути нужно направлять эту *силу*.—Заключеніе.

---

*) Произнесено въ присутствіи Московскаго митрополита
оанникія, скончавшагося 7-го іюня 1900 года на каѳедрѣ митро-
олита Кіевскаго и въ званіи Первенствующаго члена Св. Синода.

Ваше Высокопреосвященство!

Достопочтенное Собраніе!

Чрезъ нѣсколько дней,—именно 26-го декабря настоящаго года *), исполнится ровно сто лѣтъ со дня рожденія приснопамятнаго Московскаго Митрополита Филарета.

Имя столь великое требуетъ и вниманія къ себѣ немалаго. Почему я заранѣе прошу извиненія въ томъ, если я своимъ предметомъ сегодня займу ваше, достоуважаемые слушатели, вниманіе на болѣе долгое время, чѣмъ это принято на настоящихъ нашихъ собраніяхъ.

Сто лѣтъ тому назадъ у насъ, на Руси, родился человѣкъ, о которомъ, спустя восемьдесятъ пять лѣтъ послѣ его рожденія, отзывались: это—„сила, великая, нравственная, общественная сила, въ которой весь Русскій міръ слышалъ и ощущалъ свою собственную силу“; родился человѣкъ, котораго называютъ „лучшимъ украшеніемъ исторіи Русскаго народа,—лучшимъ выраженіемъ громаднаго богатства и разнообразія его духовныхъ силъ, его ума, воли, терпѣнія“;—родился „лучшій хранитель отечественной славы, истинный гражданинъ и истинный пастырь церкви“,—духовный дѣятель, прошедшій длинное поприще служенія Церкви и службы государству,—родился Митрополитъ Филаретъ!

*) 1882 г.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ почилъ онъ тѣлесно; но и теперь живетъ духомъ, какъ образецъ вѣры, чистоты, святости.

Настоящее столѣтіе жизни митрополита Филарета среди народа Русскаго безъ сомнѣнія еще болѣе оживитъ, никогда неугасавшую память о немъ.

Сердце Россіи—Москва, 26-го декабря, готовится торжественно праздновать столѣтній юбилей дня рожденія покойнаго своего митрополита. Но въ этомъ празднованіи долженъ принять участіе и весь русскій народъ, всѣ его классы и сословія. Воспоминаніе, и именно общенародное, о великомъ іерархѣ необходимо именно въ настоящее тяжелое время,—и вотъ почему.

Недавно, съ этой же каѳедры, провозглашалось, что „наше общество находится въ нѣкоторомъ страхѣ отъ смуты, проникшей въ соціальную, политическую и главнымъ образомъ религіозную жизнь“. Да! Русскимъ обществомъ въ послѣднее время обуялъ мракъ смуты, мракъ полуученаго невѣжества и легкомыслія, мракъ какого-то одурѣлаго, или даже ожесточеннаго стремленія къ разрушенію всего того, на чемъ возникла и окрѣпла наша исторія. Съ повседневнымъ сгущеніемъ душевнаго мрака удвояются, утрояются въ числѣ и степени ужасныя дѣла. Проповѣдники свободы, равенства, братства волнуютъ народъ, позорятъ его исторію, оскорбляютъ его до глубины души звѣрскимъ умерщвленіемъ благороднѣйшаго Монарха. Вездѣ чего-то хотятъ, ищутъ, добиваются; вездѣ недовольны старымъ порядкомъ жизни народной; вездѣ ломка, переиначеніе, нововведенія—и рѣдко

гдѣ уживается новое съ старымъ; чаще же нетер
пимость и нетерпѣливость со стороны новыхъ лю
дей, а ропотъ и упорство со стороны старыхъ раз
дѣляютъ общество на два враждебныхъ стана
Глубокій эгоизмъ получилъ въ обществѣ не тольк
право гражданства, но и считается даже добродѣ
телію. Все, что не носитъ съ нами одного знамени
клеймится презрѣніемъ, оскорбляется насмѣшками
Мы не хотимъ дать мѣста противоположнымъ мнѣ
ніямъ, считая самихъ себя неизмѣримо выше и не
погрѣшительнѣе всѣхъ остальныхъ. А изъ этого
выходитъ, что истина все болѣе и болѣе затем
няется, отношенія между людьми ухудшаются до
ужасающихъ размѣровъ. Ежедневно мы слышимъ
и видимъ: убійства, самоубійства, татьбы, хищенія
лжесвидѣтельства, хулы другъ на друга, взаимныя
самотерзанія, „лютую алчбу пожрать другъ друга
человѣкъ для человѣка становится звѣремъ“.
Вмѣстѣ съ усиливающимся омраченіемъ и избран-
ныя свѣтила міра уходятъ горѣть и свѣтить въ
иной міръ. Такъ въ самые почти послѣдніе дни
Русскій народъ былъ нежданно и сильно пораженъ
внезапною, почти одновременною, кончиною двухъ
лучшихъ русскихъ людей: ученаго іерарха *) и доб-
лестнаго витязя **). Еще не обсохли тѣ слезы скорби,
которыми русскій народъ оплакивалъ безвременно
почившихъ,—тѣ слезы горя, что Богъ поспѣшаетъ
отнимать у нашего отечества лучшихъ его сыновъ,
нашихъ отцевъ и братій, конечно за наши частные

*) Митрополита Московскаго Макарія † 10 Іюня 1882 года.
**) М. Д. Скобелева † 25-го іюня 1882 года.

и общенародные грѣхи. Словомъ, наше время переживаетъ явленія нерѣдко чудныя и поражающія. И всѣ мы,—скажемъ словами одного нашего отечественнаго архипастыря,—„всѣ мы ждемъ пришествія чего-то нерадостнаго, а чего-то грознаго, чего-то страшнаго, и, какъ бы, толкаемые рокомъ, идемъ волею-неволею этому грядущему ужасу навстрѣчу“.

И вотъ, объятому и отуманенному мракомъ смуты, опозоренному, оскорбленному, убитому горемъ, находящемуся въ нѣкоторомъ страхѣ, русскому народу необходимо показать самому себѣ, что не все еще потеряно, что „померкшій вѣнокъ народной славы все еще ярко горитъ блестящими перлами и брилліантами“. Скажемъ словами одного церковнаго публициста: „Не для самохвальства нужно это дѣлать, а для того, чтобы поднять народное самосознаніе; для того, чтобы дать народу понять, что можетъ онъ еще выйти изъ своего невыносимо тяжкаго положенія, что въ исторіи его есть *образцы, слѣдуя которымъ* онъ можетъ смыть то клеймо позора, *которое* жжетъ его страдальческое чело“,—осушить тѣ слезы горя, которыя онъ еще такъ недавно проливалъ,—разсѣять объявшій его мракъ смуты. „Противодѣйствіе тому сплошному надругательству и глумленію надъ русскимъ народомъ, его церковію и исторіей, которое въ концѣ концовъ привело къ извѣстному позорнѣйшему дѣйствію *), „поднятіе упадшаго отъ горя духа, разсѣяніе глубокаго мрака должно начаться съ

*) Событіе печальнѣйшее: 1 марта 1881 года.

того, чтобы выставить на поученіе людямъ, на особенно высокомъ пьедесталѣ, тѣхъ личностей его исторіи, которыя составляютъ его славу. Нужно доказать народу, *что есть сила у него, и сила великая, и указать, какъ и куда нужно ее направлять.*

Почившій Московскій Митрополитъ Филаретъ и былъ, какъ мы уже сказали въ началѣ, этимъ лучшимъ образцомъ Русской Исторіи, составлялъ эту славу Русскаго народа, воплощалъ въ себѣ эту силу его. И поэтому и помянуть его, въ день его столѣтняго юбилея, долженъ весь русскій народъ, каждый сынъ Русскаго народа, каждая дщерь его.

Умственный и нравственный обликъ покойнаго Святителя, во всей его духовной широтѣ, цѣлости и правдѣ, во всѣхъ его разнообразныхъ жизненныхъ проявленіяхъ его существа, пока еще нѣтъ возможности воспроизвести вполнѣ, потому что не пришло еще время, когда можно было бы узнать о немъ все. Пока возможно лишь представить отдѣльныя, отрывочныя и неполныя страницы изъ книги его жизни. По сему, да не осудятъ насъ за отрывочность и иногда неясность, а, можетъ быть, и неполную умѣлость нашей характеристики.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній перейдемъ же къ самой характеристикѣ почившаго архипастыря.

Вотъ предъ нами Святитель Православной вселенской Церкви: воспомяните его всѣ истинные сыны Православной Церкви! Воспомяните великаго іерарха, который служилъ органомъ Православія для всей вселенской Церкви, который, не занимая какого либо главенствующаго мѣста въ

Церкви вселенской, руководилъ вселенскими патріархами и управляемыми ими единовѣрными намъ церквами, имя котораго по справедливости величалось отъ одного конца вселенной до другаго. Обширная неутомимая дѣятельность этого іерарха давала себя чувствовать отъ крайнихъ предѣловъ сѣвера до Іордана и Мертваго моря: всюду обращалъ онъ взоръ свой и повсюду было замѣтно его архипастырское участіе. Онъ какъ свѣтило блисталъ на тверди церковной подобно великимъ и богоподобнымъ мужамъ, которые великими евангельскими добродѣтелями и полезными для всего міра твореніями заслуживаютъ имя общихъ благодѣтелей человѣчества. Этотъ архипастырь въ продолженіи 50-ти лѣтъ направлялъ все наше вѣрованіе или, вѣрнѣе сказать, глубокое увѣрованіе въ таинства вѣры, которое составляетъ самую сущность религіи. Его глубокомысленныя творенія, подобно писаніямъ отцовъ древнихъ, всегда служили и будутъ служить всей Церкви руководствомъ къ уразумѣнію и изъясненію слова Божія, къ ясному пониманію и точному изложенію догматовъ вѣры и христіанскихъ обязанностей; а высокій примѣръ его жизни и его строгій взглядъ на наши обязанности были и будутъ намъ охраною отъ нравственнаго разслабленія.

Сыны Россійской Церкви! Воспомяните пастыря, какого давно у васъ не было,—пастыря, который имѣлъ такую народность вслѣдствіе своей жизни и трудовъ на общую пользу, пастыря, который былъ однимъ изъ величайшихъ дѣйствователей на пользу Православія. Вспомяните бо-

гомудраго своего учителя вѣры и благочестія, многочисленныя пастырскія писанія котораго заключаютъ въ себѣ неисчерпаемый источникъ назиданія и поученія для православныхъ, служатъ лучшимъ руководствомъ при изученіи предметовъ вѣры для многихъ уже поколѣній православнаго юношества. Вспомяните своего іерарха, пастырская попечительность котораго о высшихъ интересахъ Православія и живое вниманіе къ судьбамъ православнаго міра простирались далеко за предѣлы отечества нашего до отдаленнѣйшихъ предѣловъ церкви восточной. Съ единовѣрными церквами на далекомъ востокѣ, и съ тою церковію, которая была колыбелью христіанства, и съ тою, отъ которой мы приняли каѳолическое ученіе, онъ постоянно поддерживалъ общеніе, неустанно заботясь объ ихъ процвѣтаніи.

Нашъ архипастырь неутомимо заботился о распространеніи православнаго ученія и въ странахъ нехристіанскихъ. Онъ содѣйствовалъ и давалъ пособія трудящимся въ евангельской проповѣди среди отдаленныхъ языческихъ племенъ. И вотъ, благодаря ему, мы видимъ нашихъ миссіонеровъ безстрашно проходящихъ по безплоднымъ снѣговымъ пустынямъ Сибири. Мы видимъ чукчей и камчадаловъ уже просвѣщенныхъ свѣтомъ Христова ученія; мы встрѣчаемъ Божіи храмы на самомъ далекомъ сѣверѣ нашего необъятнаго отечества.

Но, заботясь о распространеніи христіанства между дикими племенами, приснопамятный іерархъ не оставлялъ безъ вниманія и тѣхъ, которые вслѣдствіе печальныхъ заблужденій были отторгнуты отъ

Православной Церкви. Онъ кротко увѣщавалъ ихъ возвратиться въ лоно Церкви истинной—и успѣлъ въ своемъ увѣщаніи: такъ называемые старообрядцы оставили свое лжемудрованіе и познали истинный свѣтъ. Да и отъ остальныхъ домашнихъ противниковъ Церкви почившій архипастырь пріобрѣлъ себѣ уваженіе, пролагающее путь имъ къ возвращенію въ лоно Церкви.

Вы, мнящіе себя послѣдователями древней вѣры, древняго богослуженія, а также и всѣ вы, православные любители истинно-древняго церковнаго Богослуженія! Воспомяните установителя нѣкоторыхъ чиновъ церковнаго служенія и слагателя нѣкоторыхъ молитвъ по поводу знаменательныхъ событій нашего отечества,—воспомяните и умилитесь:.. сложенныя имъ молитвы дышутъ благодатнымъ духомъ писаній апостольскихъ; читая ихъ, душа переносится въ первыя времена христіанства. И „складъ, и движеніе, и торжественность рѣчи напоминаютъ читающему не только рѣчь вдохновенныхъ богословъ и учителей Церкви, но и прикровенныя слова пророчествъ и таинственное откровеніе.“

Содѣйствуя распространенію и утвержденію истинной вѣры, нашъ Святитель отстранялъ и навѣваемыя временемъ ученія неправомыслія. Его бдительный взоръ слѣдилъ за всѣмъ совершавшимся въ Церкви и скоро обличалъ уклоненія отъ истины Православія. Онъ всегда бодро стоялъ на стражѣ Православія и иновѣрцамъ отдаленныхъ странъ сдѣлалъ свое имя извѣстнымъ, какъ имя прозорливаго и мужественнаго защитника Православія. И

мы знаемъ, что страны чужеземныя, страны иновѣрческія обращались къ нему съ вопросами объ истинахъ Православія. Мы знаемъ, что при немъ многіе стремились къ соединенію съ Православною Восточною Церковію, и быть можетъ соединеніе это когда нибудь совершится, быть можетъ оно уже близко, ибо оно должно совершиться, ибо истина одна для всѣхъ. Но если совершится оно, то заслуги нашего архипастыря явятся еще въ большемъ блескѣ, ибо онъ не мало потрудился для этого соединенія. Это его неотъемлемая заслуга. Онъ былъ доступенъ для каждаго, искренно ищущаго истины; каждаго принималъ онъ и врачевалъ духовно съ истинно отеческой любовью. Онъ чувствовалъ свой долгъ заботиться не о тѣхъ только, которые находились въ оградѣ паствы его, и слѣдствіемъ этихъ заботъ было пріобрѣтеніе новыхъ членовъ Церкви, членовъ, похищенныхъ въ болѣе печальныя времена у Церкви Православной коварствомъ или заблужденіемъ.

Иновѣрцы — подданные нашего государства! Какъ сыновъ Россіи приглашаемъ Васъ воспомянуть вмѣстѣ съ нами нашего отечественнаго іерарха, простиравшаго и къ Вамъ свои любовные взоры. Воспомяните учителя, пастырскія писанія котораго переплагаются на чужеземные языки для научнаго и общественнаго употребленія въ другихъ странахъ, даже иновѣрческихъ, и въ нихъ принимаются съ уваженіемъ.

Будучи великимъ іерархомъ Церкви Православной, покойный Митрополитъ Филаретъ былъ и замѣчательнымъ духовнымъ администраторомъ. Высшее наше правительство духовное—Святѣйшій Си-

подъ поминаетъ его всегда—какъ одного изъ дѣятельнѣйшихъ, просвѣщеннѣйшихъ и мудрѣйшихъ своихъ членовъ, глубокая опытность котораго въ дѣлахъ высшаго церковнаго управленія сдѣлала необходимымъ и драгоцѣннымъ его слово, совѣтъ и постоянное—личное или письменное—участіе въ обсужденіи всѣхъ важнѣйшихъ церковныхъ вопросовъ и мѣръ по духовному вѣдомству.—Каждый епархіальный архіерей помянетъ въ митрополитѣ Филаретѣ мудраго наставника въ тяжеломъ дѣлѣ управленія духовною паствою,—въ его безчисленномъ множествѣ резолюцій найдетъ прекрасное руководство на всякій почти случай въ епархіальной практикѣ.—Управляемая имъ Московская епархія воспоминаетъ своего владыку, котораго почти полувѣковое служеніе въ ней ознаменовано непрерывнымъ рядомъ заботъ о преуспѣяніи паствы, о развитіи и преумноженіи благотворительныхъ и воспитательныхъ учрежденій, о насажденіи и утвержденіи въ ней единовѣрія, о благоустройствѣ духовно-учебныхъ заведеній епархіи, которыя не переставали получать обильныя отъ его щедрости средства къ возвышенію своего быта и воспитали подъ его бдительнымъ руководствомъ многихъ достойныхъ пастырей и іерарховъ св. нашей Церкви. А сколько іерарховъ и пастырей вышло вообще изъ духовно-учебныхъ заведеній, благоустроителемъ которыхъ былъ почившій іерархъ, какъ членъ комиссіи духовныхъ училищъ, какъ начертавшій проэкты уставовъ для многихъ изъ нихъ. Духовныя Академіи—Петербургская и Московская забыть его не могутъ: первую при самомъ ея рожденіи онъ принялъ на свои

могучія руки, и въ началѣ имъ она жила, а вторая и родилась и жила имъ болѣе полувѣка; Кіевская и Казанская основались по написанному имъ уставу Академій; только въ этихъ двухъ онъ не дѣйствовалъ лично. Училища среднія учатъ тѣ книги, кои онъ написалъ; низшія духовныя по Закону Божію едва ли могутъ найти что-либо лучшее его сочиненій.

Неусыпно заботившійся объ устройствѣ образованія духовнаго, митрополитъ Филаретъ заботился и объ изысканіи способовъ къ улучшенію быта духовенства,—просилъ гражданское правительство отыскать надежныя средства къ выходу духовенства изъ бѣдственнаго положенія.—Въ этихъ же именно видахъ онъ такъ ревностно защищалъ цѣлость церковнаго хозяйства, чтобы само духовенство имѣло необходимыя средства для содержанія училищъ и призрѣваемыхъ въ нихъ дѣтей бѣднаго духовенства.

Но забота нашего іерарха касалась не только служителей Церкви. Любители благолѣпія церковныхъ храмовъ и монашеской жизни вспомнятъ нашего іерарха. Его душѣ—такъ сказать—присуща была страсть созидать домы Божіи. Не одну сотню освятилъ онъ, въ теченіе своей жизни, алтарей въ приходскихъ, домашнихъ, монастырскихъ церквахъ. —Скорбя объ упадкѣ той строгости, нестяжательности, того непрерывно-работнаго Богу духа, какимъ отличалась жизнь древнихъ отшельниковъ, и назидая иноковъ и инокинь въ своихъ проповѣдяхъ, тѣмъ не менѣе онъ усильно содѣйствовалъ учрежденію многихъ обителей. И эти обители никогда

не забудутъ архипастыря—строгаго подвижника,—аскета. Въ Троицкой лаврѣ знаменитѣйшій ея священно-архимандритъ, умѣвшій возродить ее, чрезъ избранныхъ имъ людей, изъ жалкаго состоянія въ то, въ коемъ она теперь находится, тамъ не забудется. Монастыри Московской епархіи, мужскіе, женскіе, церкви, имъ лично и при немъ построенныя и освященныя, не будутъ равнодушны.

А посѣтители и богомольцы этихъ церквей развѣ забудутъ своего молитвенника? Спросите въ Москвѣ, сколько матерей прибѣгало къ Архипастырю—молитвеннику съ изнемогающими отъ болѣзни младенцами на рукахъ, за духовнымъ пособіемъ, сколько женъ и дочерей просили его молитвъ объ исцѣленіи мужа или отца и сколько изъ страдавшихъ разными недугами выздоравливало по его молитвѣ. И теперь, кто изъ его паствы и изъ всей русской страны, посѣщающій обитель великаго чудотворца всея Россіи, не преклоняется молитвенно и съ глубокою вѣрою предъ многопоучительнымъ гробомъ нашего архипастыря—молитвенника, съ этою краткою надписью: „*Архіерейство твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ всегда, нынѣ, и присно и во вѣки вѣковъ*“.

Но этотъ великій церковный молитвенникъ былъ великимъ и церковнымъ учителемъ, котораго съ умиленіемъ слушала вся Москва, всѣ ея жители, несмѣтными толпами стекаясь всюду, гдѣ надѣялись услышать его тихое, но проникавшее до самаго сердца слово. Въ продолженіи сорока шести лѣтъ такъ часто оглашавшее святые храмы Московскіе, слово его было проповѣдью тѣхъ Бо-

жественныхъ правилъ, которыя преподаны намъ первоучителями христіанства; оно раскрывало самыя основанія и духъ ученія Закона Христова. Чуждое отвлеченныхъ изысканій чуждыхъ духу жизни христіанской, его слово, такъ умилявшее и возвышавшее слушателей, было проникнуто глубокими богословскими созерцаніями. Отличительною чертою его проповѣдей было глубокое проникновеніе въ смыслъ ученія Евангельскаго. Его душа любила погружаться въ тайны Креста Христова, въ тѣ тайны, предъ которыми невольно смиряется гордый умъ человѣческій, и которыя доступны только душамъ облагодатствованнымъ. Онъ глубоко и всесторонне раскрывалъ Христіанское ученіе. Нѣтъ, кажется, богословскаго вопроса, нѣтъ преданія отъ древнихъ временъ, нѣтъ истины Евангельской, которыхъ бы не коснулся онъ съ примѣненіемъ къ жизни христіанина всякаго состоянія и положенія, всякаго званія, класса, сословія, пола и возраста. Нѣтъ урока въ дѣяніяхъ и посланіяхъ апостольскихъ, въ писаніяхъ Св. Отцевъ, въ житіяхъ угодниковъ Божіихъ и чудотворцевъ, котораго бы не развивалъ онъ для малочитающихъ подобныя книги и при томъ мало приготовленныхъ къ ихъ пониманію самымъ воспитаніемъ и нехристіанскою жизнію. И дѣйствительно, его проповѣди и бесѣды восполняютъ духовный пробѣлъ въ воспитаніи русскаго народа и особенно такъ называемой образованной и просвѣщенной его части. Даже прикровенныя сказанія Апокалипсиса, когда онъ приводитъ ихъ, такъ изложены, примѣнены, объяснены, что и мало изучавшіе Откровеніе Іоанна

Богослова отчасти проникаютъ въ тайный смыслъ таинственныхъ видѣній. Любители духовнаго просвѣщенія, помяните нашего іерарха!

Но помяните его и вы, зараженные невѣріемъ и коснѣющіе въ немъ! Этотъ іерархъ можетъ наставить и васъ на путь истины. Сколько вопросовъ невѣріе и невѣжество предлагало его вѣрѣ и вѣдѣнію! вопросы о мощахъ и образахъ, вопросы о чудесахъ, вопросы о постѣ и т. д., и на всѣ найдутся у него неопровержимые отвѣты. — А какъ онъ дѣйствовалъ своими проповѣдями противъ болѣзненныхъ явленій нашего времени, противъ умственной сухости, противъ сердечной холодности, противъ вялости чувства, себялюбивой изнѣженности, противъ нашей надменной самомнительности, противъ страшнаго развитія эгоизма! Онъ наблюдалъ за всѣми происшествіями своего вѣка, какъ блюститель вѣры, какъ неусыпный стражъ добродѣтели и нравственности христіанской, — отвлекая насъ съ ложнаго пути на путь истинный и правый! Много глубокаго смысла и разносторонняго значенія и примѣненія заключаютъ въ себѣ „Слова и Рѣчи“ владыки Московскаго; о нихъ со всею правдою можно повторить слово Премудраго: это—*хлѣбъ всякое услажденіе въ себѣ имѣющій* (Премудр. XVI, 20). Мы не пытаемся не только изъяснить, но даже исчислить всю ихъ многосторонность.

Каково, по своему достоинству, внутреннее содержаніе проповѣдей Филарета, такова же и ихъ внѣшняя сторона. Глубокая сосредоточенность мысли, строжайшая послѣдовательность въ развитіи темы, сила выраженія составляютъ неотъемлемую

принадлежность каждаго слова этого архипастыря. Никто изъ нашихъ проповѣдниковъ не обладаетъ такимъ великимъ искусствомъ проникнуть въ самую глубину содержанія текста, избраннаго для проповѣди, осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ, раскрыть весь его смыслъ. Сжатость и совершенная чистота, сила и точность, строжайшая правильность, простота, нисходящая до языка простой бесѣды, и вмѣстѣ необыкновенное изящество — суть отличительныя свойства его образцоваго слова. Какъ по внутреннему содержанію, такъ и по языку, по формѣ, по тщательной отдѣлкѣ, рѣчи его представляютъ верхъ совершенства ораторскаго искусства. Отъ нихъ вѣетъ твореніями древнихъ великихъ учителей Церкви, тѣми твореніями, которыя онъ такъ любилъ изучать.

И въ тоже время этотъ великій іерархъ Церкви, великій ораторъ и проповѣдникъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ *іерархомъ — гражданиномъ*, которому былъ дорогъ порядокъ, желательно благоустроеніе Россіи. Это былъ искушенный въ государственныхъ дѣлахъ мужъ правды и закона, мужъ труда и совѣта. Мужи государственные! Вспомяните пастыря стада Христова, который нерѣдко былъ призываемъ къ разсмотрѣнію вопросовъ, въ которыхъ нужды Церкви соприкасаются съ дѣлами государства, — вопросовъ глубокой важности, затрогивавшихъ существенныя стороны нашего законодательства, требовавшихъ уразумѣнія внутренняго духа его. Вспомяните преемника апостоловъ, который давалъ нерѣдко отвѣты на вопросы и вовсе не церковные, не религіозные, не догматическіе, а именно *госу-*

дарственные, и разрѣшалъ ихъ не какъ архіерей, а какъ государственный мужъ (напр. вопросъ о тѣлесномъ наказаніи). Слѣдя за всѣмъ, что дѣлается въ государствѣ, онъ нерѣдко обращалъ вниманіе „предержащихъ властей“ на разныя недоразумѣнія, недосмотры и т. п. по тому или другому вѣдомству. И при этомъ указанія его были такъ вѣрны и точны, что нѣкоторыя предсказанія его (напр. въ вопросѣ о народномъ образованіи) въ настоящее время исполнились съ буквальною точностію. Слѣдовательно и въ настоящее время многіе государственные дѣятели найдутъ для себя прекрасное руководство въ этомъ, искушенномъ въ государственныхъ дѣлахъ, іерархѣ. Этому государственному мужу — іерарху довѣріемъ Самодержцевъ были поручаемы особенно важныя дѣла,—дѣла иногда составлявшія весьма важную государственную тайну: вспомните семейный въ тайнѣ вопросъ о престолонаслѣдіи, окончательную редакцію манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

Да воспомянутъ-же и простолюдины, вмѣстѣ съ памятью Незабвеннаго — Освободителя - Монарха,— іерарха, объяснявшаго имъ истинный духъ и точный разумъ новыхъ, при дѣлѣ освобожденія, законоположеній: въ манифестѣ, обнародованномъ 19-го февраля 1861 г., основная мысль, исходная точка, цѣль и обоюдныя права и обязанности помѣщиковъ и поселянъ истолкованы нашимъ великимъ екклесіастомъ!

Этотъ іерархъ,—государственный мужъ,—былъ и горячимъ патріотомъ—въ истинномъ смыслѣ этого слова. Устраняясь, какъ духовный дѣятель, отъ

политическихъ, литературныхъ и иныхъ при раз-
ныхъ случаяхъ заявленій, тѣмъ не менѣе онъ по-
стоянно слѣдилъ за современными стремленіями
въ Россіи и одобрялъ ихъ, когда они были на-
правлены на общее благо, негодовалъ, когда они
клонились ко вреду народа, и обличалъ ихъ ложь
и зло путями, ему доступными, т. е. указывалъ
на нихъ напр. въ своемъ годовомъ отчетѣ Св. Си-
ноду, въ служебной и частной перепискѣ своей,
въ проповѣдяхъ и личныхъ бесѣдахъ съ людьми
всѣхъ слоевъ общества. Его любовь къ отечеству,
просвѣщенная и искренняя, видна, въ твореніяхъ
и дѣлахъ всей жизни его. Радовался онъ и воз-
носилъ молитвы благодаренія при всякомъ бла-
гомъ подвигѣ правительства, при всякомъ успѣхѣ
государства; печалился и смирялся — за весь на-
родъ—передъ Богомъ въ тяжкія годины Россіи:
при заразѣ, голодѣ, мятежѣ и т. д. И вотъ на-
ступали для отечества нашего тяжелыя времена:
онъ первый подавалъ примѣръ служенія отечествен-
нымъ интересамъ, первый приносилъ жертвы отъ
сбереженныхъ даяній. И во всѣхъ радостяхъ и
скорбяхъ Царскаго дома онъ постоянно принималъ
глубочайшее сердечное участіе, съ молитвой въ
сердцѣ, со словомъ духовнымъ.

Объ этомъ словѣ духовномъ не можемъ не при-
вести отзыва извѣстнаго нашего библіографа, г. Но-
номарева: „Преосвященный Филаретъ чутко отзы-
вался на всякія крупныя событія общественной и
государственной жизни; сжатые очерки былого, не-
многія черты, схватывающія существенный смыслъ
явленій, мѣткіе, сильные намеки, а порой даже

картины событій и рисующіе характеристическіе отзывы встрѣчаются очень часто въ его проповѣдническомъ словѣ; самые тексты Священнаго писанія, выбираемыя имъ темы для своего слова, являлись иногда чрезвычайно знаменательными и близкими по отношенію къ данному времени; встрѣчая государей, онъ въ словѣ своемъ порой какъ-бы подводилъ итоги ихъ минувшей дѣятельности и изрекалъ свой освящающій приговоръ".

Великій патріотъ—былъ и великимъ филантропомъ, и Императорское человѣколюбивое Общество всегда будетъ помнить своего бывшаго члена. Іерархъ-безсребренникъ былъ благотворителемъ въ разныхъ видахъ и проявленіяхъ,—каковы: постоянныя раздачи нищимъ и бѣднымъ, пособія пришельцамъ изъ православныхъ обителей, Греки ли они или Славяне, разные, по его примѣру и приглашенію, сборы на страдальцевъ цѣлаго міра, на своихъ и чужихъ, на христіанъ, истребляемыхъ мусульманами въ Критѣ, въ Славянскихъ странахъ, на погорѣльцевъ, разоренныхъ пожарами въ Невской столицѣ, въ Симбирскѣ и чуть не во всей Россіи, на наши ветшающія церкви среди латышей— нѣмецкаго и польско-литовскаго населенія, и на храмы, воздвигаемые для православныхъ путешественниковъ за границею.—И это еще не всѣ дѣла великаго Филантропа.

Не могутъ также не вспомнить нашего іерарха многія наши ученыя и другія учрежденія и общества, гдѣ онъ былъ членомъ и гдѣ оставилъ по себѣ никогда не умирающую память. Императорская Академія наукъ всегда будетъ вспоминать

ординарнаго своего Академика, совершеннѣйшіе образцы духовнаго витійства котораго, представляющіе собою мощный, русскій, богатѣйшій языкъ, по отзыву самой же Академіи, „требуютъ отдѣльной исторіи, которая, въ составѣ русской литературы нашего времени, займетъ по всей справедливости первое мѣсто“ (Учен. Зап. Кн. II, вып. I, 1856 г., стр. VII).

Какъ историкъ и членъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ,—митрополитъ Филаретъ будетъ всегда вспоминаться въ этомъ обществѣ, какъ глубокій знатокъ исторіи и какъ примѣрный повѣствователь, повѣствованія котораго, отличаясь строго стройной рѣчью, точностью слова, не лишены порой и тонкой ироніи, написаны не безъ юмора.

Археологическое общество будетъ воспоминать о бывшемъ своемъ членѣ,—незаурядномъ археологѣ.

Общество географическое также будетъ помнить бывшаго своего почетнаго члена, разрабатывавшаго библейскую географію.

Удивительный врачъ важнѣйшій части человѣческаго существа—духа, сила коего въ особенности необходима воинамъ, какъ членъ Императорской, теперь военной, медико-хирургической академіи будетъ помянутъ и тамъ.

Всѣ наши врачи тѣлесные помянутъ врача духовнаго, учившаго ихъ тому что **„врачъ не слишкомъ долженъ полагаться на одну свою проницательность и знаніе, и что взоръ ума его не долженъ погрязать въ веществѣ.“** „Еслибы врачъ,—гово-

рилъ почившій святитель, — видѣлъ больного насквозь: то, конечно, вѣрнѣе направлялъ бы въ цѣль врачебныя средства. Но онъ не рѣдко стоитъ предъ тѣломъ больного, какъ предъ затвореннымъ домомъ, и сквозь нѣкоторыя скважины не столько видитъ, сколько угадываетъ, что происходитъ внутри. Тѣлоразсѣченіе отворяетъ двери въ пустой домъ и потому не можетъ показать многаго, что происходитъ въ присутствіи хозяина т. е. души, одушевляющей тѣло. Душу же кто можетъ преслѣдовать по ея сокровеннымъ входамъ и исходамъ въ глубинахъ вещества грубаго, въ высотахъ вещества тонкаго?“ „Чтобъ врачевать больного,—говоритъ онъ далѣе, —врачъ долженъ прозрѣвать внутрь его, прорекать сокровенное въ немъ: сіе требуетъ чистоты сердца и возвышенія духа. Скажемъ. не обинуясь: сіе требуетъ возвышенія духа къ горнему Духу премудрости и разума. Какъ всякую истинную, такъ и врачебную- **ГОСПОДЬ ДАЕТЪ ПРЕМУДРОСТЬ И ОТЪ ЛИЦА ЕГО ПОЗНАНІЕ И РАЗУМЪ** (Притч. 8, 6).

Этотъ же врачъ духа училъ: „**исцѣлять есть дѣло Божественное: посему и посѣщать болящихъ, утѣшать, облегчать, подкрѣплять въ духѣ, есть такое благотвореніе человѣческое, которое идетъ слѣдомъ за Божественнымъ.**“

Итакъ, вмѣстѣ съ врачами, помяните присноламятнаго іерарха и всѣ вы, посвятившіе себя уходу за больными; у этого іерарха, въ назидательныхъ его словахъ, говоренныхъ имъ сердобольнымъ вдовамъ, вы найдете ясныя указанія на то,

съ какими расположеніями вамъ должно исполнять свое человѣколюбивое и христіанское дѣло.

Въ рѣчи же, сказанной покойнымъ іерархомъ, при открытіи Московскаго Общества любителей Духовнаго просвѣщенія, котораго онъ былъ попечителемъ, находятся ясныя указанія на то, какъ и въ какомъ духѣ нужно вести дѣло помощи больнымъ не тѣломъ, а духомъ.

Всѣ вы, искренно желающіе оказать духовную помощь своимъ ближнимъ, удаленнымъ отъ свѣта истины, возьмите себѣ въ руководители приснопамятнаго іерарха!

Всѣ университеты наши, начиная съ старѣйшаго своего брата, Московскаго, и кончая юнѣйшимъ, Новороссійскимъ, будутъ воспоминать почетнаго члена этихъ двухъ университетовъ, давшаго, въ лицѣ старшаго брата ихъ, всѣмъ имъ, въ словѣ „*о истинѣ*“, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ, глубоконазидательныя указанія и наставленія о томъ, какъ должны изслѣдовать истину и естествовѣды, и философы, и историки, и астрономы, и представители словесныхъ наукъ. Всѣ они въ этихъ наставленіяхъ найдутъ недюжиннаго знатока своихъ спеціальностей.

Любители словесности почтутъ бывшаго члена Общества любителей русской словесности и любителей русскаго слова, которому не былъ чуждъ и талантъ поэтическій, какъ это доказывается и оригинальными (замѣтимъ при этомъ: не только на русскомъ языкѣ, но и на греческомъ и латинскомъ) и переводными его стихотвореніями. Почившій іерархъ былъ далеко неравнодушенъ къ поэзіи.

Глубоко-классическое образованіе, достигнутое имъ, при дарахъ необыкновенно щедрой къ нему природы, собственными успѣхами и трудами всей жизни, естественно развило въ немъ чувство изящнаго и живое сочувствіе къ истинной поэзіи. Кто не припомнитъ Филарета, этого поэта-философа, разбивающаго *„серафимской арфой“* (по выраженію Пушкина) *изнѣженные звуки безумства, пѣни и страстей*— шаловливой лиры Пушкина; здѣсь, строжайшій монахъ-аскетъ является однимъ изъ первыхъ цѣнителей поэзіи „генія-повѣсы“.

А самыя Слова и Рѣчи Филарета (на письмѣ и въ разговорѣ) не поэзія ли въ прозѣ? Сколько въ нихъ, при движеніи пламеннаго чувства любви къ Богу, при глубинѣ вѣроисповѣдныхъ мыслей, сколько высокой, достойной безсмертнаго псалмопѣвца поэзіи, какая въ нихъ стройность, ясность, сила, сжатость, благозвучность, величавость!

Представители литературы вспомнятъ іерарха, который постоянно слѣдилъ за успѣхами нашей литературы, по всѣмъ ея отраслямъ, никогда не пренебрегалъ ни журналами, ни сборниками, замѣчая въ нихъ все замѣчательное, и былъ лично знакомъ съ очень многими изъ нашихъ писателей, отъ старѣйшаго въ его время Державина до юнѣйшаго въ литературной іерархіи Гоголя. Онъ зорко слѣдилъ за направленіемъ нашей литературы. Нашъ митрополитъ-критикъ былъ особенно строгъ къ неклассическимъ комедіямъ, къ безнравственнымъ операмъ, къ непсторическимъ романамъ, къ кровожадным драмамъ. Повѣсти, водевили, эротическіе, миѳологическіе и всякіе стихи, безъ внутренняго

содержанія, безъ мысли, безъ чувства, подверга-
лись безпощадной критикѣ его. Но онъ не прене-
брегалъ сатирой и эпиграммой, лишь бы онѣ были
написаны благородно, благопристойно, а не грубо
и неругательно. Словомъ, какъ классикъ, онъ лю-
бплъ аттическую соль, употребляя и самъ иногда
тонкое орудіе ироніи: выраженія, не буквой, а ду-
хомъ, слегка укорительно-наставительныя.

Любя литературу, нашъ іерархъ весьма сожа-
лѣлъ о не надлежащемъ направленіи ея, о томъ, что
она дѣйствуетъ гибельно на общественную нрав-
ственность.

Нынѣшніе представители нашей газетной и жур-
нальной литературы могутъ получить отъ него
весьма хорошій урокъ.

„Чрезмѣрно размноженныя повременныя изда-
нія,—писалъ митрополитъ Филаретъ въ отчетѣ
Св. Синоду въ 1863 году,— усильно разпростра-
няемыя въ народѣ. неблагопріятно дѣйствуютъ
даже тѣмъ, что возбуждаютъ и питаютъ не столько
истинную любознательность, сколько безплодное
любопытство; даютъ много чтенія пріятнаго и
занимательнаго, но мало назидательнаго, доста-
вляютъ познанія отрывочныя, смѣшанныя, сбив-
чивыя. но съ тѣмъ вмѣстѣ поглощаютъ вниманіе
и время, отвлекаютъ отъ чтенія книгъ основатель-
ныхъ, дѣлаютъ умы поверхностными и лѣнивыми
для глубокихъ размышленій о важнѣйшихъ пред-
метахъ знанія. Такое направленіе литературы
вредно для религіозной, нравственной и граж-
данской жизни общества; но зло, происходящее
отъ современной литературы, на этомъ не оста-

навливается. Въ литературныхъ произведеніяхъ
легкаго и серьезнаго содержанія, даже предста-
вляемыхъ въ учебное руководство юношеству,
Божественное Откровеніе подвергается сомнѣнію,
вященныя преданія унижаются до сравненія съ
баснями, правила христіанской нравственности
установленія церковныя не уважаются, усиліе
дать основаніе невѣрію въ чудеса доходитъ до
того, что проповѣдуются баснословныя ученыя
мелѣпости". Такъ нашъ іерархъ слѣдилъ за на-
правленіемъ литературы.

Такъ-же строго онъ слѣдилъ за направленіемъ
ценическаго искусства, какъ это видно изъ того
же отчета его Св. Синоду за 1863 г.

Помяните-же іерарха и вы, представители искус-
ства и художества!

Этотъ строгій порицатель неправильнаго направ-
ленія сценическаго искусства, этотъ, какъ говорили
о немъ, противникъ художества (что выводили изъ
его отказа освятить тріумфальныя ворота, укра-
шенныя изваяніями) въ тоже время былъ *художни-
комъ въ душѣ и почитателемъ искусства*, глубокимъ
знатокомъ и цѣнителемъ народной и духовной му-
зыки и богослужебнаго церковнаго пѣнія; самъ былъ
музыкантомъ и принималъ участіе въ пѣніи, и при-
лагалъ не мало усилій къ возстановленію древняго
церковнаго пѣнія во всей его простотѣ и чистотѣ.

Уже изъ этой его разносторонности (при кото-
рой однако—замѣтимъ—всѣ стремленія и помыш-
ленія его были посвящены исключительно дѣлу
его высокаго служенія Христовой церкви), — изъ
этой разносторонности можно видѣть, какъ мно-

го долженъ былъ трудиться Митрополитъ Филаретъ.

И, дѣйствительно, вся жизнь его была трудомъ непрестаннымъ; его отдыхъ состоялъ въ перемѣнѣ одного труда на другой.

Онъ былъ неустаннымъ труженикомъ и на литературномъ поприщѣ. Библіофилы и библіографы конечно будутъ всегда помнить великаго іерарха труженика, послѣ котораго осталась масса сочиненій и произведеній, притомъ переведеныхъ на многія чужеземные языки.

Какъ именно велико число его сочиненій — мы теперь сказать еще не можемъ. Но приблизительное понятіе о числѣ ихъ можно составить по вычисленію московской синодальной типографіи, сдѣланному еще въ 1867 г.: изъ нея одной только, по 1867 годъ, твореній Преосв. Филарета вытребовано было православною русскою паствою болѣе трехъ сотъ шестидесяти изданій, въ числѣ болѣе двухъ милліоновъ двухъ сотъ тысячъ книгъ *). Да! Дѣйствительно бываютъ числа краснорѣчивѣе словъ!

Но еще краснорѣчивѣе и трогательнѣе и словъ и чиселъ то свидѣтельство, что богомудрый писатель всѣхъ этихъ книгъ за трудъ свой не взялъ себѣ никакой мзды, но туне пожертвовалъ всѣ свои писанія для большаго удобства всѣхъ православныхъ христіанъ русскихъ. Трудъ писателя принесенъ въ жертву всей Православной Церкви.

*) *Въ истекшія восемнадцать лѣтъ (1882—1900 гг.) числ[о] вновь открытыхъ весьма цѣнныхъ для всей Русской Православной Церкви, руководственныхъ трудовъ великаго іерарха еще боль[ше] умножилось.*

А что за масса предметовъ, которыхъ касался покойный іерархъ въ своихъ литературныхъ трудахъ и на которые былъ обращенъ его умъ! Богословіе догматическое, нравственное, аскетика, еврейскій языкъ, Священное Писаніе (текстъ и толкованіе), греческій библейскій и отеческій языкъ, славянскій библейскій языкъ, русскій библейскій языкъ, патрологія греческая и латинская, славянская и русская переводная, библейская исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, библейская археологія, географія, церковное право, общевселенское, русское; русская исторія, археологія, сравнительное богословіе, русскій расколъ въ научномъ и практическомъ отношеніи, литургика, наука о проповѣдничествѣ... И какихъ, какихъ предметовъ не коснулся всеобъемлющій умъ Филарета?!... Религія и философія, науки и художества, политика и законодательство, магнетизмъ и столокруженіе, апокалипсисъ и спириты, литература и искусство, исторія и анекдоты, мистицизмъ и квакеры, вопросъ о судьбѣ братьевъ нашихъ славянъ и вопросъ объ участіи женщинъ въ общественныхъ дѣлахъ, вопросъ бракоразводный, вопросъ о вѣротерпимости и свободѣ совѣсти... Все, все занимало умъ великаго человѣка и обо всемъ почти онъ оставилъ свои замѣчанія, если не заключенныя въ письмени—въ его твореніяхъ, — то сохраненныя преданіемъ. Можно только изумляться и чувствовать всю громадность задачи, которую даетъ Филаретъ ученой Россіи, и духовной, и свѣтской, — а также приблизительно реально представить себѣ, что это за великій человѣкъ.

Такъ, почившій іерархъ, долженъ быть пам
тенъ всему ученому сословію нашего отечест
всѣхъ отраслей и направленій.

Но этотъ глубокомысленный ученый былъ так
смиреннымъ подвижникомъ вѣры Христовой и истинны
человѣкомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Это бы
человѣкъ съ любящимъ сердцемъ, нѣжный и
чтительный сынъ, глубоколюбящій своихъ кровных
родныхъ,—съ нѣжною любовью относившійся
мѣсту своего окончательнаго воспитанія. При вс
твердости и строгости убѣжденій, при необыкн
ной строгости къ самому себѣ, этотъ чел
вѣкъ отличался въ то же время необыкновенно
терпимостью и снисходительностью къ другим
(если только это не противорѣчило строгой сп
ведливости), доступностью, внимательностью и л
бовью ко всѣмъ. Лица, познакомившіеся съ толь
что изданными письмами его „къ роднымъ", отз
ваются о немъ такъ: „въ нихъ, какъ въ зеркал
отражается нѣжная и высокоблагородная душа св
тителя, его скромность, христіанское смирен
строгость и прямота требованій въ отношеніяхъ
себѣ и къ другимъ, ясность и широта взгляда,
выше всего—неослабное, но просвѣщенное и стро
христіанское „несеніе" имъ одной изъ священнѣ
шихъ обязанностей, налагаемыхъ на человѣка уза
родства и кровныхъ связей".

А вотъ и другой отзывъ о письмахъ его
бывшему намѣстнику Троице-Сергіевой Лавр
Архимандриту Антонію: „Въ нихъ покойный вл
дыка является прежде всего мужемъ духовна
дѣланія, созерцателемъ тайнъ Божіихъ въ проя

еніяхъ духовнаго міра, пріемлемыхъ имъ со смиенною вѣрою древнихъ Св. Отцевъ, которые столь асто удостоивались непосредственнаго проявленія лагодати Божіей. Вѣрный послѣдователь ихъ прѣрамъ, онъ внимательно слѣдитъ за иноческими одвигами подчиненной ему братіи, указуетъ ей рямые пути къ духовному преуспѣянію, радуется спѣхамъ и глубоко скорбитъ при встрѣчающемся огда уклоненіи отъ иноческихъ обѣтовъ. Всегда трогій къ самому себѣ, онъ и отъ подчиненныхъ ребуетъ неуклоннаго исполненія ихъ обязанностей;—но строгость начальственныхъ взысканій мягчаетъ отеческою любовію и старается скорѣе врачевать грѣховныя язвы, нежели наказать сорѣшившаго". „Кромѣ духовнаго руководительства. ладыка является въ нихъ заботливымъ хозяиномъ. еусыпно пекущимся какъ о нуждахъ братіи, такъ о внѣшнемъ благоустройствѣ обители, и не ставляетъ безъ вниманія самыхъ малѣйшихъ ея отребностей. По отношенію къ своему намѣстнику ладыка является нѣжнѣйшимъ другомъ". „Общетвенное мнѣніе о митрополитѣ, говоритъ издатель писемъ, сложившись исключительно по его необыкновенному уму и по богословскимъ и ораторскимъ его произведеніямъ, конечно, и не подозрѣвало, что въ груди его билось сердце, способное ъ столь нѣжной дружбѣ!"

„А между тѣмъ, продолжаетъ издатель, сердце го билось любовію не только къ избранному имъ другу, но вообще къ человѣчеству и болѣе всего ъ Россіи. Читатель увидитъ сколько заботъ, колько попеченій посвящено владыкой къ увра-

ченію всякаго рода скорбей. Постигнетъ ли кого какое либо несчастіе, владыка спѣшитъ къ нему со словомъ утѣшенія, проникнутымъ теплою вѣрою и смиренною покорностію волѣ Божіей, и старается, помогая въ скорби, извлечь изъ самаго источника ея урокъ для направленія скорбящаго на стезю покаянія и нравственнаго исправленія. Нуждается ли кто въ матеріальной помощи, ему нѣтъ отказа въ пособіи. Дѣло благотворенія владыка ставилъ выше заботливости объ украшеніи и благолѣпіи священнослуженія“ *).

Итакъ—приснопамятный іерархъ нашъ былъ и нѣжнѣйшимъ сыномъ и другомъ, и заботливымъ хозяиномъ, и утѣшителемъ и помощникомъ въ скорбяхъ и несчастіяхъ, обладалъ сердцемъ, способнымъ откликаться на всякую нужду и горе ближнихъ.

Помяните же его дѣти, любящіе своихъ родителей и кровныхъ родныхъ, помяните его всѣ вы, принадлежащіе къ нашему земскому, земледѣльческому и владѣльческому сословію, и всѣ вы, обладающіе сердцемъ, способнымъ откликаться на всякую нужду и горе ближнихъ.

„Въ тоже время усопшій святитель поражаетъ насъ (говоритъ далѣе тотъ же издатель) своею памятью, глубиною мыслей и силою выраженій, изъ коихъ многія могутъ по справедливости быть признаны апофеегмами“.

Но при всемъ томъ этотъ, обладавшій любо-

*) Совершенно таковымъ-же онъ является и въ письмахъ к А. П. Муравьеву и къ архіепископу тверскому Алексѣю и др лицамъ.

дрымъ духомъ, человѣкъ отличался *глубокимъ стольскимъ смиреніемъ*. Онъ, составившій славу и одость Россіи, самъ никогда не помышлялъ о ной славѣ, не искалъ земныхъ почестей. Въ мъ не было ни надменной гордости, ни холодго себялюбія.

Помяните же приснопамятнаго іерарха всѣ вы, тинно-хрпстіанскія души, въ смиреніи и простотѣ одца и жизни содѣвающія свое спасеніе!

Но да не будетъ чуждъ нашъ іерархъ и вашей мяти, избранники земнаго счастія, вознесенные дъ простою толпою отмѣннымъ рожденіемъ и оиченнымъ воспитаніемъ. Да будетъ извѣстно мъ, что нашъ, и во смиреніи великій, и въ вечіи смиренный, іерархъ,—этотъ монахъ-аскетъ, лъ въ тоже время тончайшимъ дипломатомъ до ной высокой степени, *аристократомъ въ самомъ чайшемъ смыслѣ этого слова, аристократомъ духа, инпаго изящества*. Онъ умѣлъ держать себя такъ койно и величаво и съ такой неподражаемой щностью въ движеніяхъ, что иностранцы, бывъ на коронаціи покойнаго Императора Александра II-го, *приписали нашему іерарху*—этому сыну днаго Коломенскаго діакона—*высшее аристократическое происхожденіе*. Онъ, проповѣдывавшій проъ роскоши въ одеждѣ и убранствѣ, онъ, предъ цомъ царей земныхъ обличавшій, можно сказать, жестокостью, достойною древнихъ аскетовъптелей,—любовь къ міру и ко всему мірскому, всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ,—онъ,—этотъ рогій обличитель и порицатель,—въ тоже время ь самоотверженія, изъ любви къ другимъ, изъ

нежеланія обидѣть, огорчить ближняго, изъ *глуб*
каго сознанія достоинства не своей личности, а *сан*
облекался въ драгоцѣнныя одежды,—являлся в
извѣстныхъ случаяхъ во всемъ блескѣ и величі

Присоедините же ко всѣмъ намъ и вы, наш
русскіе аристократическіе роды и фамиліи, и п
мяните іерарха—аристократа духа...

Мы выяснили, насколько могли, личность п
койнаго митрополита Филарета и можемъ не об
нуясь сказать, что онъ былъ *идеально-высокимъ пре*
ставителемъ и совершителемъ дѣла Христова на земл

Мы невольно готовы упасть ницъ предъ е
величавымъ образомъ. Невольно спросишь: да ч
же это такое? Гдѣ родятся такіе люди, какой счас
ливый, какой даровитый народъ производитъ так
феноменальныя существа? И чѣмъ болѣе изучает
жизнь и дѣятельность Филарета, тѣмъ яснѣе пре
ставляется, что какъ будто *найденъ въ дѣйстеите*
ности тотъ идеалъ русскаго православнаго человѣка, к
торый составляетъ завѣтную, сердечную меч
лучшихъ истинно-русскихъ людей, и который
всѣми силами стремились разбить.

И не должны ли мы удивляться ему, не должн
ли благоговѣть предъ нимъ, не должны ли мы ст
вить такое народное сокровище на самомъ вы
комъ свѣщникѣ, да свѣтитъ всѣмъ?

Не должны ли мы также удивляться и счита
счастливымъ и тотъ народъ, посреди котора
являются подобныя личности? Не изъ него ли
маго выходятъ они? Если мы,—каждый рѣшитель
изъ насъ русскихъ, кто-бы онъ ни былъ,—если м
находимъ (каждый въ той или другой мѣрѣ)

ичностяхъ, подобно Филарету, отраженіе лучшихъ оронъ самихъ себя: то не въ правѣ ли мы ска-ть, что эти личности, эти *великія силы есть высшее раженіе собственныхъ силъ народа?* Не видитъ ли ь нихъ онъ какъ бы отраженіе самого себя? Да! нъ гордится ими, онѣ составляютъ его славу, его аченіе въ средѣ другихъ народовъ!

Итакъ, у русскаго народа недаромъ остается ія великаго іерарха приснопамятнымъ: неугаса-щая память о Филаретѣ показываетъ, что у рус-аго народа есть *сила* и *сила великая.*

Куда же и какъ нужно ее направлять? Отвѣтъ евиденъ: туда же и такъ, куда и какъ направля-сь это воплощеніе силы русскаго народа: Фила-тъ былъ—„*сила, созданная не изъ вић, а порожде-я мощью личнаго духа, возрастшая на церковной народ-ой почвѣ*“. Только *путь, указываемый нашею русской равославною Церковію, путь христіанскаго просвѣщенія, тинно-народно-церковнаго воспитанія,* и есть путь, торымъ должна направляться *сила*, заключаю-аяся въ русскомъ народѣ.

Этотъ путь указываетъ намъ и самъ вспоми-емый нами святитель и учитель нашей Церкви, предсмертныхъ словахъ къ своей Московской ствѣ: „**Вѣчный источникъ истины и мудрости продолжаетъ изливать свой благотворный и асительный свѣтъ въ умы и сердца избранныхъ ятелей въ областяхъ нощи, и отъ наставляю-ихъ до наставляемыхъ, отъ высшихъ до низ-ихъ степеней ученія, да простирается на убѣ-денія и правила, на мысль и жизнь, чистый ѣтъ истины и добра!**“

И если мы, всѣ русскіе, и старые и ма
усвоимъ себѣ это завѣщаніе Святителя наш
пойдемъ указаннымъ имъ путемъ.—*путемъ исти*
христіанскаго просвѣщенія; то пусть судьба лиш
насъ нашихъ лучшихъ дѣятелей: мы глубоке
римъ и надѣемся, что земля русская, по мило
дію Божію, не оскудѣетъ: богата русская зе
силенъ и могучъ русскій народъ! И у всего
шего русскаго народа крѣпка вѣра въ милос
Божіе,—та вѣра, которая вела и ведетъ наст
темъ трудныхъ испытаній, къ великой, надѣ
и блистательной будущности. Что ожидаетъ
впереди,—мы не знаемъ: быть можетъ еще не
испытаніе готовится намъ, быть можетъ мы
живемъ не одну еще трудную минуту, но мы
римъ въ звѣзду нашу, мы вѣримъ, что рано
поздно, подобно солнцу, засіяетъ эта звѣз
ослѣпитъ своимъ яркимъ блескомъ весь мір
эта-то вѣра даетъ намъ силу при перенесеніи в
нашихъ невзгодъ, всѣхъ нашихъ неудачъ и
желыхъ бѣдствій.

Свѣти-же яркимъ свѣтомъ благодатная вѣ

А Ты (заключимъ словами одного оратора,
занными при гробѣ почившаго святителя), п
шій виновникъ нашихъ рѣчей и нашихъ мо
о тебѣ! Привлекаемый въ нашъ міръ этими
ками привязанности и усердія къ Тебѣ, не п
вай твоего общенія съ нами. Содѣлавшись гра
нномъ небеснаго міра, какъ уповаемъ мы, во
тѣ новой жизни воспоминай предъ Господомъ
православнаго, котораго ты чтилъ и любилъ,
наилучшій гражданинъ земли Русской, вос

предъ Господомъ Церковь Православную и
ество Твое. Твое же священное имя, Твоя свя-
душа и жизнь, Твое святительство никогда,
гда не забудется въ землѣ Русской. Соединяя
съ Тобой и оживляя въ душахъ нашихъ не-
ный образъ Твоего духа, да возбуждаетъ въ
сіе воспоминаніе подражать Твоему вниманію
ушѣ и ко всѣмъ ея обнаруженіямъ, Твоему
мыслію. Твоей неизмѣнной вѣрности апостоль-
у преданію и установленіямъ Святой Церкви,
й непреклонной твердости въ исполненіи обя-
остей Христіанина и Гражданина". Аминь.

Священникъ [1]) церкви больницы Св. Маріи Маг-
ны Александръ *Дернов*ъ.

17-го декабря 1882 г. 4 часа вечера.

[1]) Иныѣ протоіерей, настоятель С.-Петербурскаго Петро-
вскаго, что въ Крыпости, Придворнаго собора. 17 Декабря
года.

ИННОКЕНТІЙ,
Архіепископъ Херсонскій.

Чтеніе въ залѣ Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви, въ общемъ собраніи его членовъ, 15 декабря 1900 года, по случаю столѣтняго юбилея дня рожденія (15 дек. 1800 года) покойнаго ***Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго и Таврическаго*** *).

(*Содержаніе.*—Почему въ Россіи, при обиліи даровитыхъ людей, мало людей ученыхъ и еще меньше людей образованныхъ?—Отъ чего зависитъ истинно-христіанское развитіе и образованіе? Только въ нѣдрахъ Церкви и возможно явленіе такихъ великихъ людей, каковыми были Филаретъ и Иннокентій. Высота и глубина ихъ мысли и противоположные взгляды на нихъ. Значительная извѣстность имени Иннокентія при его жизни. Молитвенная память о немъ.—Характеристика Иннокентія. Задача жизни его. Постоянная мысль его о Спасителѣ.—Въ какомъ направленіи дѣйствовалъ Иннокентій на пользу науки? Постоянная мысль Иннокентія о Святой Землѣ.—Черты благочестиваго настроенія и поведенія Иннокентія. Черты его какъ ученаго.—Особенная склонность къ занятію естественными науками и любовь къ природѣ; стремленіе всегда найти въ ней поучительные для христіанина уроки. Книжное созерцаніе природы. Свѣжесть мыслей и воспріимчивость чувствъ.—Особенное трудолюбіе.—Ученo-литературная дѣятельность.—„Послѣдніе дни земной жизни Г. І. Христа". —Другіе предметы „Догматическій сборникъ".—Проповѣдническій талантъ Иннокентія. Слѣдствія этого. Черты Иннокентія какъ профессора и характеръ его богословствованія. Отзывъ митрополита Макарія.—Иннокентій—администраторъ: а) ректоръ академіи; б) епархіальный архіерей; в) членъ Синода.—Кончина его.—Общій отзывъ о немъ и объ акаѳистахъ, составленныхъ имъ.

*) Собраніе происходило подъ почетнымъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Веніамина, епископа Гдовскаго, викарія С.-Петербургской митрополіи.

Ваше Преосвященство!

Достопочтенное Собраніе!

За все время своего свыше-тысячелѣтняго с
ществованія Россія можетъ указать въ числѣ св
новъ своихъ много, очень много даровитыхъ лю
дей; но не такъ много она можетъ указать люде
ученыхъ и еще меньше людей вполнѣ и всест
ронне-образованныхъ,—образованныхъ въ истин
христіанскомъ смыслѣ этого слова.

Вѣдь ученость требуетъ труда цѣлой жизни; он
также требуетъ серьезной предварительной школ
Конечно, для таланта главное средство развитія ес
самообразованіе; но вѣрно и то, что всякій талан
нуждается въ уходѣ со стороны, въ одобреніи
поддержкѣ дома, въ школѣ, въ обществѣ; тог
облегчается его трудъ, его правильное раскрыті
безъ напрасной потери силъ и времени. Къ сож
лѣнію у насъ талантливые люди часто идутъ
своею дорогою, либо тратятся на мелочи, либ
дремлютъ невоздѣланные, неработающіе. Люди уч
ные и хорошо образованные у насъ доселѣ су
рѣдкіе самоучки. А люди образованные въ христіа
скомъ смыслѣ этого слова, т. е. всесторонне ра
вившіе себя, и умъ, и сердце, и волю,—люди, дл
которыхъ ничто:—не только человѣческое, но
міровое и премірное, т. е. и природа и Богъ

ичто имъ не чуждо, все объемлется ихъ умомъ,
се внѣдряется въ ихъ сердце, какъ имъ любезное
дорогое, и все это усвояется ими ради славы
жіей, а не ради только пустого любопытства,—
се приводится въ единую гармонію: таковые люди
насъ встрѣчаются и еще рѣже. Почему? А по-
му, что для такого истинно-христіанскаго разви-
я и образованія потребны не только уходъ со
ороны, одобреніе и поддержка дома, въ школѣ,
ь обществѣ,—не только потребно самообразованіе;
о и потребно еще нѣчто высшее: нуженъ свѣтъ,
ходящій отъ Отца свѣтовъ, нужна благодать Бо-
ія, нужна сила Божія и въ немощи совершаю-
аяся, нужно все то, что служитъ „къ животу и
лагочестію“.

А какъ все это достижимо только въ Церкви
ожіей, то, необинуясь скажемъ, что только въ
ѣдрахъ Церкви и подъ ея благодатнымъ осѣне-
емъ и возможно явленіе такихъ свѣтилъ, каковыя
ыли, жили и дѣйствовали въ нашемъ русскомъ
бществѣ въ первыя три четверти настоящаго, но
ке уходящаго въ вѣчность, вѣка. Разумѣемъ ве-
ичайшихъ нашихъ мыслителей, ораторовъ-бого-
ловъ: Филарета и Иннокентія, Московскаго
итрополита и Херсонскаго Архіепископа, пред-
ставлявшихъ собою *именно образцы людей и ученыхъ истинно-образованныхъ.*

Но, будучи отъ природы не только талантами,
о и геніями, они,—скажемъ словами также замѣ-
ательнаго іерарха, но каѳедрѣ епископской од-
ого изъ преемниковъ знаменитаго Иннокентія,—
менно архіепископа Никанора Одесскаго и Хер-

ского,—„какъ орлы, цари пернатыхъ, то сво-
„бодно и легко устремляются къ солнцу для созер-
„цанія истины, то порывисто низвергаются до по-
„слѣднихъ самыхъ тэмныхъ глубинъ человѣче-
„скаго мышленія, почему не всѣ могутъ, а нѣко-
„торые даже и опасались слѣдовать за геніальнымъ
„полетомъ, въ высь и глубь, ихъ геніальной мысли"
Собраніе словъ и рѣчей Никан. т. 3. стр. 182).

Вотъ чѣмъ объясняются различные, до полной противоположности, взгляды на этихъ святителей, особенно же на святителя Московскаго Филарета.

Имя святителя Херсонскаго Иннокентія, подобно имени Филарета Московскаго, достаточно было извѣстно, еще и при жизни его, и образованной части русскаго общества, и за границей Россіи, въ земляхъ намъ единовѣрныхъ, восточныхъ и славянскихъ, и нѣкоторыхъ иновѣрныхъ, и вообще европейскихъ.

Еще болѣе память того и другого святителя укрѣплялась и укрѣпляется, послѣ ихъ кончины, въ молитвенной памяти чадъ Церкви Православной Русской

Вотъ и сегодня, едва-ли не во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только извѣстно имя приснопамятнаго Иннокентія, совершается молитвенная память о немъ, по случаю исполнившагося столѣтія со дня рожденія его,—является у всѣхъ желаніе воспомянуть и добрымъ словомъ всѣ стороны его необыкновенной личности.

„Славный витія, великій мыслитель, благо-
„родное, благожелательное сердце и высокій духъ,—
„святитель, признанный красою нашей Церкви и

„славою нашей русской іерархіи“ (Прот. Никан. ев. Хер. и Од. т. 1, стр. 203),—святитель Иннокентій былъ и великій богословъ, и пастырь добрый, право правившій слово истины, и истинно-образованный,—въ полномъ, христіанскомъ смыслѣ этого слова,—человѣкъ.

Высказанный имъ обѣтъ, при наречніи его во епископа: „**возноситься желаніемъ надъ всѣмъ „дольнимъ и парить непрестанно чистою мыслію „къ Солнцу правды, осѣнять свѣтомъ Христо-„вымъ Церковь Христову; заботиться особенно о „томъ, чтобы свѣтъ сей, осѣняя многихъ, отра-„жался въ немъ самомъ и озарялъ собою лѣпоты „тѣхъ благихъ дѣлъ, за кои, видя ихъ, всѣ про-„славляютъ Отца Небеснаго**“ (Соч. Иннок. т. IV, стр. 114 и 115),—обѣтъ этотъ былъ задачею всей не только послѣдующей, епископской, но еще и предыдущей жизни Иннокентія,—можно сказать, отъ младенческихъ лѣтъ до послѣдняго дня его жизни.

По свидѣтельству личнаго друга Иннокентія, преосвященнаго Іереміи (см. Церк. Вѣд. 1900 г. № 50, стр. 2073), „святитель Иннокентій отъ юности и до конца дней своихъ всегда имѣлъ въ своемъ умѣ и мысляхъ божественное лице Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа. Предъ судомъ Господнимъ и предъ матерію своею—Церковію онъ съ упованіемъ на милость Господа, могъ сказать: *не судилъ видѣти что въ васъ*, пиша и устно бесѣдуя, *точію Іисуса Христа, и сего распята*“.

Онъ желалъ и всею силою ума своего стремился разумѣть преспѣющую разумъ любовь Христову и силу креста и воскресенія.

По мѣрѣ своихъ силъ Иннокентій заботился **„быть полезнымъ и тому вертограду наукъ, отъ „котораго возникли всѣ вертограды отечественные, „и въ коемъ возросталъ онъ самъ“** (ibid.), и всей отечественной наукѣ, особенно духовной, богословской, *именно въ этомъ направленіи.*

Вездѣ, гдѣ ни жилъ святитель Иннокентій, духъ его неисходно находился въ Іерусалимѣ и во всей Палестинѣ. „Живя въ XIX вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ, онъ былъ какъ бы современнымъ, постояннымъ зрителемъ дѣла, исполненнаго Господомъ, нашего ради спасенія. Поэтому никогда не бывалъ онъ такъ словоохотливъ и оживленъ во взорѣ и просвѣтленъ въ лицѣ, какъ при воспоминаніи о Ѳаворѣ и Сіонѣ, объ Іорданѣ и особенно о Голгоѳѣ“.

Не имѣя возможности, вслѣдствіе назначенія епископомъ, удовлетворить своему задушевному желанію посѣтить Святую Землю и своими очами видѣть всѣ мѣста, освященныя земною жизнію Господа, Иннокентій старался утѣшить себя мыслію о томъ, что *„путь всякаго христіанскаго пастыря, гдѣ бы ни пролегалъ онъ, если идетъ вѣрно, то ведетъ прямо къ Іерусалиму Небесному“* (соч. IV, 115).

Но и за нѣсколько часовъ до кончины своей Иннокентій, намѣревавшійся оставить управленіе ввѣренной ему епархіею, хотѣлъ прожить послѣдніе дни своей земной жизни въ Іерусалимѣ и просилъ приготовить тамъ для него помѣщеніе: такъ вожделѣнна для него была Святая Земля!

Во всю свою жизнь Иннокентій стремился только къ тому, чтобы во всемъ творить волю Божію.

Въ собесѣдованіи, съ кѣмъ бы то ни было, святитель Иннокентій никогда не позволялъ себѣ пересудовъ и словъ пустыхъ.

До глубины души онъ былъ проникнутъ смиреніемъ. Въ прощальное воскресеніе у нѣкоторыхъ онъ испрашивалъ прощеніе—какъ? Не просто поклономъ, но—это до слезъ умилительно—ставъ на колѣна и многократно кланяясь до земли.

Иннокентій былъ чувствителенъ и могъ огорчиться на кого-либо и самъ огорчить: въ такихъ случаяхъ онъ гасилъ неудовольствіе то тѣмъ, то другимъ подаркомъ.

Всегда поучаясь въ словѣ Божіемъ и молясь всегда о томъ, чтобы глаголъ Божій не возвращался отъ него тощимъ, онъ, при помощи Благодати Божіей, былъ вѣрнымъ провозвѣстникомъ и нельстивымъ истолкователемъ святаго слова Божія, непостыднымъ совершителемъ и нелицепріятнымъ раздаятелемъ святѣйшихъ седьми таинствъ Божіихъ.

Иннокентій во всю свою дѣятельную жизнь былъ и пребылъ неуклоннымъ послѣдователемъ вѣры и духа мужей апостольскихъ, твердымъ хранителемъ живоносныхъ заповѣдей и преданій святой Православной Восточной Церкви.

Въ первую и послѣднюю седмицы Великаго поста святитель Иннокентій освобождалъ себя отъ всякихъ постороннихъ дѣлъ, даже должностныхъ, и всего себя посвящалъ молитвѣ, размышленіямъ богословскимъ и сочиненію. Въ Петербургской Академіи, на инспекторствѣ, въ эти седмицы занимался онъ „Послѣдними днями Господа“; въ Кіевѣ

на первой и послѣдней седмицахъ поста занимали его умъ и сердце „Страстная седмица“, „Первая“ и „Свѣтлая“.

Какъ *ученый*, онъ былъ свѣдущъ не только въ богословской наукѣ, но и въ различныхъ областяхъ свѣтскихъ наукъ, въ коихъ вездѣ онъ, какъ это свидѣтельствовали спеціалисты, чувствовалъ себя хозяиномъ. Особенно его привлекали къ себѣ естественныя науки, при изученіи которыхъ, какъ и вообще природы, онъ всегда старался отыскать поучительные для христіанина уроки.

Созерцаніе природы и ея явленій Иннокентій крайне любилъ. Во время грома, молніи прогулка подъ открытымъ небомъ была его высшимъ удовольствіемъ. Его особенно привлекали къ себѣ: темная и густая зелень кипарисовъ, могучія сосны, ели, пихты, кедры,—волновало его сердце бурное дыханіе вѣтра въ сосновомъ бору. Самое слово „буревой“, столько выразительное, могъ создать, по словамъ Иннокентія, только могучій русскій языкъ, который Иннокентій, замѣтимъ, зналъ въ такомъ совершенствѣ. Иннокентій любилъ прислушиваться къ тому пѣнію, которое проносится черезъ хвою при тихомъ токѣ вѣтра, и искренно сожалѣлъ, что, вслѣдствіе неумѣнія нашего населенія сохранять и беречь лѣса, въ среднихъ широтахъ Россіи хвойный лѣсъ перейдетъ въ область преданій.—Иннокентій любилъ прислушиваться къ тихому плеску волнъ морскихъ или къ грохоту ихъ о скалы и нерѣдко говорилъ: „если у моря такія дивныя пѣсни, то каковы онѣ у неба или на небѣ!..“ Онъ любилъ всходить на высокія горы

и на вершинѣ ихъ „сладко молиться“ въ самую полночь.—Иннокентій чувствовалъ особенное наслажденіе видѣть волнующіяся нивы и вѣрить, что то даръ Божій, плодъ нашей молитвы. Онъ высказывалъ убѣжденіе, что наши пахари, въ простотѣ сердца вѣрующіе въ Творца и Промыслителя, несравненно счастливѣе людей, умудряющихся разными премудростями. -Иннокентія восхищала ширь и даль безграничныхъ степей.

Его невольно приводили въ восхищеніе стройныя животныя, газели и др.

Геологія, отдаленныя времена обитаемой нами планеты, минералы и вообще все ископаемое: все привлекало умъ и сердце Иннокентія и все было вѣдомо ему. Месмеризмъ или животный магнетизмъ, загробный міръ, общеніе съ умершими: все это занимало умъ Иннокентія. Физика, астрономія, небесная механика также были предметомъ постояннаго изученія его и наблюденія.

Сильно углублялся Иннокентій и въ книжное созерцаніе природы. Разъ, читая одного изъ французскихъ астрономовъ, онъ до того былъ пораженъ величіемъ и устройствомъ міровъ, что палъ ницъ.

Свѣжесть мыслей, воспріимчивость чувствъ Иннокентій сохранилъ до послѣднихъ дней своей земной жизни.

Конечно, такая масса свѣдѣній невозможна безъ собственнаго трудолюбія. И нашъ приснопамятный владыка былъ поразительно *трудолюбивъ:* нерѣдко цѣлыя ночи проводилъ онъ за книгою; обѣдалъ онъ всегда также съ книгою, если одинъ. Но лю-

бознательности своей святитель Иннокентій едва ли оставилъ какую книгу безъ прочтенія.

Но больше, чѣмъ на собственное трудолюбіе, Иннокентій надѣялся на помощь Божію и испрашивалъ ее въ горячей, усердной молитвѣ, въ которой нерѣдко онъ проводилъ также цѣлыя ночи. Молитва вообще была любимымъ дѣломъ Иннокентія. А ученымъ занятіямъ Иннокентій посвящалъ часть своего времени до конца своей жизни.

Учено-литературная дѣятельность Иннокентія посвящена была исключительно богословской наукѣ въ различныхъ ея отрасляхъ. Богословскія его творенія всегда будутъ источникомъ назиданія и поученія для православныхъ христіанъ. Его академическія чтенія представляютъ собою замѣчательное явленіе въ нашей богословской литературѣ по своей ясности, живости, по гармоническому сочетанію вѣры съ научнымъ знаніемъ и обаятельному изложенію.

Особенно его твореніе: „Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего І. Христа“, было тѣмъ исключительнымъ сочиненіемъ, которымъ онъ занимался и которое исправлялъ въ продолженіе всей своей жизни; имъ онъ занимался даже незадолго до своей кончины. „Сочиненіе это имѣло туцѣль, чтобы при благословеніи Божіемъ, возбудить въ боголюбивыхъ читателяхъ вѣру и любовь къ Господу нашему Іисусу Христу, Который и во всей земной жизни Своей есть высочайшій образецъ совершенствъ для всего рода человѣческаго, а въ послѣднихъ дняхъ своего земного служенія человѣчеству и среди страданій своихъ—особенно

является яко Единородный отъ Отца, исполнь благодати и истины".

Во всѣхъ печатныхъ трудахъ Иннокентія слышится голосъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ нашихъ архипастырей, который съ неподражаемою простотою и силою слова соединилъ ясность и возвышенность мысли.

И сколько предметовъ разсмотрѣно Иннокентіемъ! Религія, Богъ вообще, религія откровенная, Св. Троица, ученіе о мірѣ, о человѣкѣ, о послѣдней судьбѣ человѣка и міра, нравственность человѣческая, ученіе о Промыслѣ, о духахъ; особенно ученіе, любимое для души Иннокентія, объ Искупителѣ, о земной жизни І. Христа, о воскресеніи Его; евангельская, апостольская и церковная исторія: вотъ главные, кромѣ массы проповѣдей, труды Иннокентія. И Иннокентій по справедливости можетъ быть названъ любимѣйшимъ изъ духовныхъ писателей русской Церкви.

А его заботы, отъ начала профессорства до послѣднихъ дней жизни, объ изданіи „Догматическаго сборника", въ который имѣли войти всѣ повѣданія Православной вѣры, чтобы самымъ очевиднымъ образомъ, черезъ приведеніе самыхъ текстовъ, показать православнымъ и неправославнымъ, то, какъ православная вѣра въ теченіе всѣхъ столѣтій сохранилась со всею неизмѣнностью и чистотою именно въ нашей Православной церкви,— эти заботы показываютъ въ немъ особеннаго ревнителя Православія.

Главную славу Архіепископа Иннокентія составляетъ *необыкновенный проповѣдническій талантъ*.

Образцовыя, съ величайшимъ тщаніемъ и искусствомъ — составленныя имъ проповѣди, по мѣрѣ появленія ихъ въ свѣтъ, съ нетерпѣніемъ и восторгомъ читались и перечитывались людьми всѣхъ сословій, и имя Иннокентія огласилось во всѣхъ концахъ неизмѣримой Россіи.

А тѣ, кто слушали непосредственно произносимыя Иннокентіемъ проповѣди, положительно увлекались его вдохновеннымъ словомъ. Этому содѣйствовалъ необыкновенный импровизаторскій даръ Иннокентія, говорившаго всегда безъ тетрадки, дѣйствованіе его по преимуществу на сердца слушателей, ясность и простота слова, художественная картинность представленій и образовъ, тонкія и остроумныя сближенія предметовъ, искусство открывать въ нихъ новыя и занимательныя стороны и умѣнье Иннокентія примѣнять, какъ можно ближе, свои поученія къ различнымъ случаямъ и обстоятельствамъ. — Сердце Иннокентія, полное высокой искренней любви ко Христу и ближнимъ, къ истинѣ, ко всему доброму и прекрасному, было постояннымъ и обильнымъ источникомъ ораторскаго вдохновенія.—Столь любимая Иннокентіемъ внѣшняя природа давала ему обильный матеріалъ для назидательныхъ проповѣдей. Въ кипящемъ волнами морѣ или въ тучѣ, разсѣкаемой молніями и громами, онъ указывалъ образъ всемогущества Божія; въ усѣянномъ звѣздами сводѣ небесномъ, въ восходящемъ и заходящемъ солнцѣ—образъ премудрости Божіей; въ украшенной цвѣтами веснѣ, ведущей за собой хоры пернатыхъ,—образъ благости Божіей. При всѣхъ этихъ картинахъ Иннокентій

побуждалъ слушателей восходить мыслію къ совершенствамъ Творца.

Приспособленность проповѣди Иннокентія къ жизни и пониманію слушателей и изложеніе ея самымъ чистымъ, образцовымъ, русскимъ языкомъ,— послужили причиною того, что Императорская Академія Наукъ и разныя ученыя общества почтили литературныя заслуги витіи принятіемъ его въ свои члены.

А разнесшаяся объ искусномъ витіи, прозванномъ Россійскимъ Златоустомъ, молва въ иноземныхъ земляхъ была причиною того, что проповѣди Иннокентія были переведены на греческій, нѣмецкій, французскій и польскій языки.

Какъ *профессоръ*, Иннокентій былъ профессоромъ по призванію, по всѣмъ чувствамъ и влеченіямъ, которыя въ немъ рано сказались, по всей складкѣ, которая у него окончательно сложилась. Въ первые курсы свои въ Академіи Иннокентій, въ санѣ іеромонаха и архимандрита, преподавалъ Богословіе основное, догматическое и нравственное.

Внутренній *характеръ богословствованія* его состоялъ въ искреннемъ стремленіи къ разумному и цѣлостному усвоенію каждой откровенной истины въ ея небесной чистотѣ, божественномъ величіи и благодатной силѣ. Объ этомъ замѣчательномъ профессорѣ-богословѣ до насъ дошелъ отзывъ замѣчательнаго также ученика его,—впослѣдствіи Митрополита Московскаго, Макарія: „Это былъ человѣкъ въ собственномъ смыслѣ геніальный: высокій, свѣтлый, проницательный умъ, богатое, неистощимое воображеніе, живая и обширнѣйшая память, легкая и бы-

страя сообразительность, тонкій, правильный вкусъ=даръ творчества, изобрѣтательности и оригинальности, совершеннѣйшій даръ слова — все это въ чудной гармоніи совмѣщено было въ покойномъ іерархѣ. При такихъ необыкновенныхъ талантахъ онъ имѣлъ и необыкновенное образованіе: зналъ не однѣ духовныя науки, которыя ему извѣстны были въ совершенствѣ, но и весьма многія свѣтскія науки, такъ что могъ разсуждать о нихъ съ спеціалистами и нерѣдко своими мѣткими вопросами или отвѣтами поражалъ спеціалистовъ. Это былъ образцовый профессоръ: своими вдохновенными импровизаціями онъ пробуждалъ, увлекалъ, восторгалъ слушателей!..

Администраторъ въ лицѣ Иннокентія — также былъ выдающійся. На должности *ректора* академіи Иннокентій вносилъ всюду жизнь и успокоеніе, такъ что при немъ академическая корпорація представляла изъ себя одну родственную семью, во главѣ съ любимымъ всѣми членами ея ректоромъ.— съ однѣми цѣлями, стремленіями, заботами, радостями, желаніями.

Студенты академіи видѣли со стороны о. ректора всегда ласковое и благородное обращеніе, при какомъ-либо постигавшемъ ихъ горѣ, серьезной болѣзни и пр., переходившее въ особенную доброту и внимательность къ нимъ, выражавшіяся въ жертвованіи со стороны о. ректора не только матеріальными средствами, но иногда даже и своими жизненными удобствами.

Академію Иннокентій поставилъ на степень возможнаго совершенства: оживилъ и поднялъ

на особенную высоту преподаваніе наукъ богословскихъ, историческихъ и философскихъ, придавши имъ новое направленіе и новый характеръ. Самъ онъ, по истинѣ, былъ и философомъ, и психологомъ, и физіологомъ, и богословомъ, и историкомъ. — Предприняты были ученолитературныя изданія, какъ напр. „Воскресное чтеніе“, и изслѣдованія историческихъ памятниковъ. Иннокентій всему давалъ нравственный стимулъ.

Въ экономическомъ отношеніи академія также была улучшена.

Какъ *епархіальный архіерей* въ трехъ — послѣдовательно—епархіяхъ: Вологодской, Харьковской и Таврической, Иннокентій былъ нелѣностнымъ приставникомъ въ порученномъ ему вертоградѣ Господнемъ,—былъ самымъ дѣятельнымъ епархіальнымъ начальникомъ, дѣйствовавшимъ по строго обдуманной напередъ программѣ.

Искреннія, непритворныя слезы при разставаніи съ нимъ каждой, порученной ему, епархіи, какъ пастырей, такъ и пасомыхъ, указывали на его значеніе для епархій.

Заботы о благоговѣйномъ и торжественномъ отправленіи богослуженія церковнаго, о вполнѣ осмысленномъ чтеніи и пѣніи въ церквахъ ввѣренныхъ ему епархій; о возвышеніи духовенства въ умственномъ и нравственномъ отношеніи; заботы объ улучшеніи матеріальнаго быта духовенства; особенныя мѣры къ возбужденію въ народѣ религіозности: возобновленіе и открытіе старыхъ монастырей, устройство новыхъ, поновленіе соборовъ и церквей, установленіе торжественныхъ

крестныхъ ходовъ, составленіе и изданіе акаѳистовъ, проникнутыхъ истиннымъ христіанскимъ чувствомъ и какъ нельзя лучше приспособленныхъ къ потребностямъ и духу народа; возстановленіе древнихъ христіанскихъ памятниковъ; устройство „вечеровъ духовной литературы", имѣвшихъ цѣлію сблизить служителей духовной науки съ благонамѣренными свѣтскими дѣятелями и дѣйствовавшихъ весьма образовательно на всѣхъ участниковъ этихъ вечеровъ; заботы объ улучшеніи духовно-учебныхъ заведеній, ввѣренныхъ ему епархій, въ матеріальномъ и учебно-воспитательномъ отношеніи; мѣры къ улучшенію органовъ епархіальнаго управленія; историческое изученіе ввѣренныхъ ему епархій, и многое, многое другое: вотъ черты епархіальнаго управленія Иннокентія, предметы его заботъ.

Въ послѣдніе годы святительства Иннокентія проявилось особенное живое архипастырское участіе его въ бѣдствіяхъ Крымской войны и въ высшей степени благотворное вліяніе его на воиновъ, при чемъ проявилось и особенное величіе христіанскаго мужества Иннокентія и его самоотверженія.

По окончаніи войны у Иннокентія явилось множество заботъ о возстановленіи и исправленіи разрушеннаго войной.

Наряду съ епархіальными заботами, архіепископу Иннокентію приходилось нести еще заботы и по управленію всею русскою Церковію: онъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ былъ вызываемъ въ С.-Петербургъ для *присутствованія* въ Св. Сунодѣ, гдѣ онъ былъ все время присутствованія однимъ изъ *дѣятельнѣйшихъ* членовъ.

Въ коронацію Императора Александра II архіепископъ Иннокентій пожалованъ былъ званіемъ *члена* Св. Синода.

Усиленные труды и тревоги надломили здоровье славнаго архипастыря и 26-го Мая 1857 года онъ въ свѣтлый праздникъ Живоначальной Троицы тихо скончался.

Во время предсмертной болѣзни, продолжавшейся ровно мѣсяцъ, святитель Иннокентій услаждалъ и поддерживалъ себя молитвою, принятіемъ Св. Таинъ, слушаніемъ пѣнія (исполнявшагося его пѣвчими) церковныхъ пѣснопѣній и слушаніемъ чтенія глубокомысленныхъ и глубоко-назидательныхъ проповѣдей Митрополита Филарета...

Херсонская епархія скорбѣла о кончинѣ ея любимаго архипастыря. Скорбѣли объ утратѣ его и всѣ сыны Россіи, коимъ только вѣдомо было имя Иннокентія.

И нельзя было не скорбѣть объ утратѣ его.

По свидѣтельству лицъ, близко знавшихъ Иннокентія, онъ былъ человѣкъ „всесторонній, и можно сказать, всеобъемлющій“: онъ былъ и великій гражданинъ русскій, котораго душа отзывалась на всѣ вопіющіе вопросы отечества, котораго сердце болѣло всѣми его ранами; онъ былъ и другъ человѣчества, который горячо желалъ ему вездѣ законнаго преуспѣянія, въ духѣ вѣры Христовой; онъ былъ и государственный человѣкъ, который въ затруднительныхъ обстоятельствахъ всегда могъ подать благой совѣтъ, и указать на новыя стороны вопроса; онъ былъ и просвѣщенный человѣкъ, стоявшій съ вѣкомъ наравнѣ, для котораго въ области познаній не было ничего незнакомаго.

Если у Иннокентія и были, по свойственной всякому человѣку немощи, какія-либо пятна на душѣ, то онѣ смыты „народными слезами“. Составленные и изданные имъ акаѳисты: Живоначальной Троицѣ, Страстямъ Господнимъ, Живоносному гробу, Предъ причащеніемъ Св. Таинъ, Покрову Пресвятыя Богородицы и Архистратигу Михаилу, производили въ свое время (да и въ настоящее время—производятъ совершенно такое же дѣйствіе) такое впечатлѣніе, что ради этихъ акаѳистовъ масса молящагося народа, въ простой будничный день, оставляла работы и шла въ церковь и со слезами на глазахъ слушала эти акаѳисты.

„Когда я вижу, говоритъ по этому поводу одинъ изъ православныхъ іерарховъ,—вижу слезы на глазахъ многихъ, я всегда думаю, что если у Иннокентія и были какія-либо пятна, то смыты уже этими народными слезами“.

Протоіерей *А. Дернов*ъ.

С.-Петербургъ.
15 Декабря 1900 года.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ находятся въ продажѣ книги

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. **Что надобно имѣть въ виду при изысканіи мѣръ къ устраненію незаконныхъ сожительствъ?—Докладъ** пастырскому собранію 1 Декабря 1898 года. СПБ. 1898 г. Ц. 10 к.

2. **О важности для христіанъ чтенія слова Божія и религіозно-нравственныхъ книгъ.** Изд. 2-е. СПБ. 1894 г. Ц. 5 к.

3. **Памяти законоучителя протоіерея Михаила Ильича Соколова** († 5 іюня 1895 г.), съ портретомъ покойнаго. СПБ. 1895 г.

4. **Памяти протоіерея Д. Я. Никитина** († 13 Января 1900 г.). съ портретомъ покойнаго. СПБ. 1900 г.

5. **Бракъ или развратъ? По поводу статей г. Розанова о незаконныхъ дѣтяхъ.** Отпоръ на призывъ къ безформенному сожитію или, вѣрнѣе, къ половой разнузданности и охраненіе святости брачнаго союза. СПБ. 1900 г. Ц. 30 к.

Складъ изданій у автора: Петербургская Сторона, Петровская улица, № 10, кв. 17.

2007050189